

стражи стояху, посредѣ их проидоша, а не бысть либо в толиких христианских воех оружное бречание и конский топот, но поганых стражи быша тогда яко глухи и слѣпи; аще и слышаху что, но мнѣша, яко в их станѣх то есть. Како не удивимся твоему, Слове, милосердию! Кто ли исповѣдати может силу твою или чюдеса твоя? Аще не бы умножилися пред тобою беззакония грѣх наших, кто бы востал на люди твоя, кто ли бы озлобил достояние твое (128 об.), яко же пророк глаголет: «аще бы человек в пути моя ходил, ничесо ж враги его смирил и на стужающая возложил бых руку мою». Прощед же стражей их, достигоша до рѣчки прежреченной Ибейки, идѣже стояша поганых вой без опасения — бѣ же их яко травы селныя множество — овии спаху, овии востаху, овии огни возгнецаху на варение яди. Слышаху ж они топот конский, но мнѣша, яко из их коней, плѣнники же связаны быша яко злодѣи. Христианстии ж храбрии воины плѣшние люди уже под станы их приидоша вси друг пред другом спѣшаху, яко званнии на брак сладкого вина пити ожидаху же еще, егда возсияет заря. Тогда забрекал пес изшедый из града, погании (129) же сами мнѣша, яко от сел есть пришел пес. Тогда христианстии вой, яко изучении соколы ударипася на многия жаровлиныя стада, возопиша велиим гласом: «Держайте, не бойтеся, бог с нами!» и паки возопиша: «Боже, помози нареченнымъ во твое имя!» И нападоша на станы их и закалаху яко свиней. Они ж, яко беснии пси, метяхуся сѣмо и овамо, и многих поганых побиха и сына Ку(й)пина убиха, овии ж в водѣ утопоша. Тогда нѣкто силен нача восходити на конь свой и возопи своим языком: «Стойте, не бойтеся, по нае люди!» Тогда нѣкто христианин пришед ударил его во главу из огнедышущей пищали, он же пад издше. Тогда мнози погании обступиха около его, бѣ бо честен в них (129 об.) и храбрость имѣя и силу, и ту мнози падоша острием меча храбрых вой христианских. И тако погании с срамом поидоша во свояси, православное ж воинство яко побѣдницы возвратипася во град радующесе и славяще бога, давшаго побѣду на врагов, и плѣнении вси возвратипася. И тако тогда избави богъ град Тару от нашедших.

Но еще гнѣвъ божий не укротися за умножение грѣх наших, по реченному: «Нигдѣ не престанеть, рече, ярость моя на грѣшники, дондеже истреблю вы.» В та ж времена в Томском граде, в новомъ Качинском остроге и на Красномъ Яру и в Кузнецкомъ остроге мнози христианстии людие падоша острием (130) меча поганых, о нихже подробно что рещи, или глаголати, или писати, от горкия болѣзни не вѣмъ, понеже православнии христиане, яко пшеница, пожинаеми, и терние умножашесе, много ж за то и зла пострадаша. Нѣкогда посла богъ на них гнѣвъ свой: змиемъ повелѣ поядати их, и кийждо их уязвляеми умираху; и паки милосердова о них и вложи в сердце блаженному Моисею; он же божиим мановениемъ подвижим сотвори змию мѣдную и постави посредѣ полка сыновъ израилевъ: уязвляемии ж от змия взираху нань, исцелеваху. Потом же они сию обоготвориша и многожды прогнѣваша бога; сего ради тмами казнишася (130 об.) гладом и язвами и плѣном и ратию и различ-